

ВЛАДИСЛАВ БАХРЕВСКИЙ

ДИАЛЕКТИКА СОСТРАДАНИЯ

1

В России писатель – не профессия.

Творцы духовного майдана 90-х по-обезьяньи переиначивали нашу жизнь под европейский стандарт. Но стандарт для России равнозначен самоотрицанию. У нас пишут не для того, чтоб деньги зарабатывать, даже теперь, когда деньги заменили идеологию, совесть и мечты. Это верно для процветающей Москвы и для живущих неведомо как Старицы или Шадринска, Петушков, Большого Мурашкина... Задача всякого русского писателя – выразить себя, превратить слово в неразменное, не подлежащее утрате сокровище.

Протопоп Аввакум, Ломоносов, Пушкин, Лермонтов, Лев Толстой, Достоевский, Есенин – это не только наше, это мы. Каждое из названных имён – образ.

Книги Лиханова приходят к читателю в страшное для мира и для русского народа время. Вот только какое было нестрашным?

И тут можно сказать: повести и романы писателя издаются в нужный час. Они о сверстниках нынешних подростков. О них самих, а о себе знать очень важно. И о мальчиках и девочках, переживших войну, о победителях, потому что дети – это тоже народ. Дети 1945 года – участники разгрома Германии Гитлера.

Ценность литературных трудов Альберта Лиханова в том, что это есть. Это создано. Это живёт, приобретая год от года всё большую значимость, привлекая правдой жизни и обаянием подростков, населяющих книги Лиханова. Сверстники из книг становятся верными друзьями нынешнего читателя.

И ещё о значении творчества. Каждая книга Лиханова указывала на какой-то недуг общества, указывала государству и помогала подросткам одолеть несправедливости, а то и беды. Поэтому все книги писателя – воины. Им пришлось сразиться и с реформаторами, крушившими культуру великой нашей страны.

Суть реформации – покушение на наше слово: литературу объявили развлекательным шоу. Разгромили Детгиз и “Молодую гвардию”, отторгли ребёнка от книги – от родника совести, любви к родной земле, к героям Отечества, к высоким устремлениям ума, души, сердца.

И самое подлое – разверзли пропасть между поколениями.

Но писатель – сам по себе всегда образ. Образ Альберта Лиханова, возникающий на страницах его книг, не есть портрет мастера слова,

умеющего закрутить злободневный сюжет, озадачить остро поставленной проблемой.

Образ писателя Лиханова – это стержень, не подверженный эрозии народного отчаяния. Своего рода камень на распутье, указывающий путь возрождения.

Лиханов по детству принадлежит к сословию детей Великой Отечественной войны.

Что это такое?

Пять лет голода – голода в детстве. Пять лет мучительного страха перед почтальоном: что в сумке – письмо от отца или похоронка? Пять лет веры: мы победим!

Школа войны воспитала в народе жестокую, но и прекрасную ответственность перед страной, перед её великим прошлым, перед народом, перед мамой, младшими братьями, сёстрами и перед народами земного шара!

Не улыбайтесь. Именно так. Отцы и старшие братья оружием гнали фашизм из Европы, из Азии (там он был японский). А поколение Лиханова выросло готовым защищать правду от неправды, дать свободу любому народу, где бы он ни жил, поделиться хлебом, презирая наживу на беде.

И вот что ещё очень важно: для детей войны хлеб и жизнь – категория единая. Писатель Лиханов не за перо хватается, когда узнает о голодающих детях, а делает всё, чтобы их накормить.

Голодающие дети России и на его совести.

Ребёнок ли, подросток в сиротстве – и на его совести...

Большое сердце час тому назад родившейся девочки – это боль в сердце самого Лиханова.

Небось думаете: красивое словоблудие?

Не Лиханов, разумеется, вскрывает грудную клетку и вторгается скальпелем в крошечное сердце новорождённого. Но это он своими книгами, своим упорством достучался до самых верхов советской власти.

Ему доверили создать Детский фонд – надежду страдающего детства. На исцеление, на жизнь, как у всех, на счастье, как у всех.

Почему Альберту Анатольевичу многое удаётся? Можно сказать, фантастическое удаётся!

Все мы немножко добрые, все страдаем за непутёвость нашей жизни, за истонченные и приобретённые беды народа нашего. Но писатель Лиханов – не горемыка, он берётся за дело, хотя бед не становится меньше.

Вот составляющие характера Альберта Лиханова. Из детей войны. Духовный романтик – готовность жить и работать для общей пользы ради великого будущего. В итоге социальных перемен – суровый реалист.

Дар слова. Всё это обрекает писателя на то, чтобы служить самому дорогому, что есть у человечества, – детству, юности.

И наконец, Лиханов – вятский. Вятская земля – последняя из уделов разумно, без кровопролития признавшая власть великого князя Ивана III Грозного. Иван IV – второй из Грозных.

Характер вятичей – крепкий орешек. Талантливы, упорны, невероятность задачи их не останавливает. Виктор Михайлович Васнецов, создатель “Трёх богатырей”, “Алёнушки” и росписей Владимирского собора в Киеве – вятский.

Альберт Лиханов был автором трёх-четырёх брошюр, когда дар и тяга сказать правду о детях войны всерьёз усадили его за письменный стол. Ему требовалась своя правда непростых последствий войны.

В “Чистых камушках” ничего нет церковного, религиозного, но это произведение духовное. В нём прозрение через судьбу мальчика-пятиклассника судьбы русского народа.

Высшая оценка писателя – всё-таки слёзы. Когда-то, вернувшись поздно домой, застал в слезах Лену, жену. Стал оправдываться и услышал: “Я “Чистые камушки” читала. Так светло, так горько”. О многих книгах Лиханова само сердце говорит: “Как же светло, как же горько!”

Тонкая книжечка стала дверью, через которую молодой писатель вошёл в русскую литературу.

“Чистые камушки” – камушки, держащие в себе свет. Иное тысячелетие на дворе, иное государство, а они светятся, светят.

Великие русские писатели понимали значение детства. В детстве человек обретает совесть и нравственность не только сословную — опыт домашней жизни, — но совесть и нравственность своего народа. Детство — причастие к судьбе родной земли.

О детстве писали Лев Толстой, Бунин, Пришвин, Максим Горький, Алексей Толстой, Гарин-Михайловский, пристально вглядывался в детство Достоевский.

Но “Детство” Толстого, “Кашеева цепь” Пришвина, “Жизнь Арсеньева” Бунина — литература для взрослых. Литература.

Для поколения писателей — детей войны — детство не преддверие жизни, не заповедник счастья, а сама жизнь. То сокровенное настоящее, которое ускользает от взрослого человека.

Критика не сумела понять особой, новаторской сути “детской” (именно в кавычках) литературы детей войны.

Война — смерть, но ради жизни. Каждое мгновение — дар судьбы. Жизнь в жерле вулкана.

Поэты и романисты из лейтенантов и капитанов — победители — от войны в творчестве своем избавиться не смогли.

Поколению Альберта Лиханова, встретившему войну в пять-семь лет, важно было рассказать о себе. Не об играх, не о кошках и собаках — о жизни! Глазами детей — время, люди.

В литературе “детских глаз” самый главный критерий — правда. Дети приходят в мир от Бога, они сами частица Его света. Поэтому нет у писателя пощады ни к себе, ни к самым близким людям, ни к государству. Зато есть любовь, хранящая жизнь, в которой всякое мгновение — чудо. По сути же своей, литература детей войны — пророческая.

Мальчики и девочки “Мужской школы” Лиханова (“Дрянные мальчишки”, “Мерзкий возраст”) — это не мирок класса, школы, улицы. Это жизнь в огромном мире в свои десять, четырнадцать...

В повестях Лиханова дети знают, какая она, подлость, но обязательно несут в себе великое и светлое. Это верно для трудных ребят и для мечтателей повестей светлого круга: “Крутых гор”, “Деревянных коней”, “Музыки”, “Магазина ненаглядных пособий”. Романа в повестях-главах, который писатель назвал “Русские мальчики”.

Писатель возвращается к теме тылового детства в годы войны четырежды, через десятилетия, вырастая как художник. Но это говорит ещё и о непреходящей боли — ведь эти главы-повести, рассказывая о прошлом, обращены в настоящее и будущее. А это не так просто.

Война для нашей страны — Голгофа, мир для нашей страны — Голгофа, Голгофа — тирания идеологии, тирания ограбления, вся нечистота, существующая в человечестве. И всё это — часть детства. По Лиханову. И по жизни.

А теперь о парадоксе. Свои первые серьёзные повести Альберт Анатольевич принёс в издательство “Детская литература”. Работал с умным, тонко чувствующим слово редактором Лидией Иосифовной Доукшей. Книги выходили в свет под грифом “Для младшего и среднего школьного возраста”. Критика, всегда ставящая себя выше писателя, не мало не сомневаясь, причислила Лиханова к детским писателям.

Язык — точный, образный. Герои — ученики третьего-пятого классов. Дети книги читают, любят. Учителя автором дорожат...

Скорее всего, надо радоваться, что критика наша подслеповата.

А Лиханов и его сверстники писали о своём военном детстве не для детей. У них была одна задача: сказать правду о своей жизни, о жизни отцов и матерей, о стране.

Глубины правды бездонные. У Лиханова есть “Последние холода”, повесть из романа “Русские мальчики”. Книга о детях для взрослых. Тема: голод и дети. Но вот ведь чудо писательское — это чтение детям понятнее, чем взрослым.

Дети знают о своей жестокости. Корку хлеба лучше воробьям отдать, чем шакалам. А “шакалы” — голодные сверстники, у которых нет талонов на овсянку с котлетой, стакан молока. Шакалы вырывают у девочек хлеб, съедают обед у маленьких.

И когда пацан, не мигая, смотрит на героя повести, и на виске у этого шакала пульсирует синяя жилка, и когда на губах его шакальих шелестит слово: “Оставь!” — ложка падает из руки, котлета поделена пополам.

Вот только недоумение камнем на сердце: “Но ведь война кончилась!”

Война кончилась, “да голодуха отступает медленнее, чем враг”.

Книги Лиханова написаны для взрослых. В полную художественную мощь. Эта литература, где в центре – ребёнок, подросток, вмещает в себя больше, чем иногда книги командиров батарей и батальонов.

И истины сформулированы стальные. К примеру, такая: “У каждого времени своя жестокость. А доброта одна на все времена”.

У этого писателя великое множество афоризмов, которые, как пунктиром, прошли всё его творчество.

Дети такие книги считают своими. Замечательно! Но литература о детях войны предназначена, прежде всего, для взрослого читателя. Она о жизни глазами детей.

3

В конце 60-х страна покончила с нищенством народа. В сёлах вместо стареньких клубов строили Дворцы культуры, для детей – Школы искусств. Зеркальные стены – балеринам, комнаты с пианино – желающим учиться музыке.

К примеру, в Крыму в богатых колхозах полеводы и доярки не желали вселяться в коттеджи, предпочитали квартиры в пятиэтажках.

Комсомол был занят великими стройками и решал проблему свободного времени. Насаждал дискотеки, выдумывал летки-енки в пику твисту. Но как-то ушли на задний план дети безотцовщины, трудные подростки, пополняющие колонии для несовершеннолетних. Государство “малых” бед не оперившихся своих птенцов замечало в полглаза.

И рождаются повести Лиханова “Лабиринт”, “Обман”.

“Обман” перевели в Болгарии, Венгрии, Чехии, Словакии, Польше, Италии, Нидерландах, ФРГ. Немецкая пресса немало писала о Лиханове и его героях. В газете “Зюддойче цайтунг” обозреватель назвал “Обман” книгой сложной и обаятельной.

В 1980 году за трилогию “Семейные обстоятельства”, куда вошли повести “Обман”, “Чистые камушки” и роман “Лабиринт”, Альберт Лиханов был удостоен Государственной премии РСФСР.

Его книги поднимают перед государством, перед обществом и народом такие проблемы, которые не замечать, откладывать – позорно.

Тогдашнее правительство, председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков услышали писателя. Был создан Детский фонд, и Лиханов с 14 октября 1987 года призван бороться с нелёгкими бедами детства, с родовыми, со стихийными. Были Спитак, Чечня, Беслан, Южная Осетия... Были пожары, наводнения, террор. Всюду, где больно, – Детский фонд и его лидер. И есть современная Россия.

Писатель Альберт Лиханов, лауреат престижных премий, кавалер высоких орденов, всю свою жизнь пишет урывками да в отпусках.

Был редактором кировской молодёжной газеты, собкором “Комсомольской правды” по Западной Сибири, ответственным секретарём и главным редактором журнала “Смена”. “Смена” Лиханова издавалась полуторамиллионным тиражом и была журналом интеллектуалов. Не кучки избранных сумасшедших, а миллионов студентов, старшеклассников, самого читающего сословия СССР – инженеров и младших научных сотрудников.

В годы редактирования “Смены” – с 1975-го по 1988-й – Лиханов написал значительные для себя и для нашей литературы произведения: “Мой генерал”, “Солнечное затмение”, переведённые в Японии, Голландии, Греции, США, Франции, Италии, Германии, Китае...

“Благие намерения” (снят фильм). “Высшая мера” была высоко оценена Виктором Астафьевым.

“Драматическая педагогика”. Педагогика Лиханова – не теория, а действие, работа во всех регионах России, создание среды. Переводы – от Молдавии, Украины, Эстонии до Японии.

Многие свои вещи Лиханов опубликовал в “Юности” и в “Пионере”. Затем настал этап “Знамени”. В 1979 году этот журнал опубликовал повести “Голгофа”, “Благие намерения”, “Высшая мера”. Теперь его первая аудитория – “Наш современник”.

Публикация в известном журнале – само по себе признание. Но Лиханову было важно расстаться с постоянной пропиской в детской литературе, перебороть стандарт: если среди героев – дети, книга – для детей.

Чарлза Диккенса с его “Оливером Твистом” у нас ведь тоже почитают детским писателем. Тем более – Марка Твена, у которого и Том Соьер, и Гекльберри Финн, и “Принц и нищий”...

В “Голгофе” центральный герой – сорокалетний Алексей Пряхин, личный шофёр наркома, солдат, провоевавший два дня. Возил снаряды, бомба в грузовик не попала, но осколок пробил дверь кабины и разворотил живот шофёру.

В “Голгофе” Лиханова крест несут русские бабы и дети, далеко от войны, в тылу, но ради воскресения.

Четыре года голода и работы на фронт. Читая Лиханова, каждым нервом впитываешь войну, изнуряющую стариков, женщин, детей.

Есть в “Голгофе” бабушка Груня, получившая похоронок на мужа и на сына, – прообраз Анны Ивановны Зыкиной, бабушки жены писателя Лилии, сохранившей в годы войны трёх внуков. Её памяти и посвящает повесть писатель.

Есть Анатолий – капитан, потерявший на войне зрение. В повести он гармонист при карусели. А движком карусели становится Пряхин.

В страшный гололёд его машина сбила возницу хлеба. Пряхин не виновен, но он осиротил трёх девочек. Сесть за руль выше его сил, а без карточки на хлеб и ему смерть, и сиротам. Вот он и стал движком для карусели.

В “Голгофе” дети – герои эпизодические. Но для писателя именно дети – центр внимания. Три сестры, ради которых Пряхин идёт на свою Голгофу, – образ воскресения страны. Детский смех на карусели – образ Победы.

Алексей Пряхин, на долю которого досталось столько бед и страданий, уверен только в одном – в Победе. Дело его совести – не умереть до Победы. Чтобы девочки выжили. Они же – будущие матери, они – жизнь народа.

Задача произведений, созданных Лихановым в то время, таких как “Благие намерения” и “Высшая мера”, – устыдить общество, ткнуть носом власть, чиновников, учителей в проблему, у которой есть решение.

4

Слом общественного устройства обернулся для писателя горечью. За восемь лет он не написал ничего, не в силах осмыслить происходящее. Разлом государства? Расцвет национализма? Угасание промышленности? Радостное погружение в торгашество активных масс? Деньги как высшая ценность?

О чём же и как говорить с теми, кто это выбирает?

Произведения, написанные через духовный разрыв, иные: “Никто”, “Сломанная кукла”, “Слётки”. Чуть позже – “Эх, вы!..”, “Свора”; чуть раньше – “Свечушка”.

В “Слётках” много сказано.

На первый взгляд, обычная, современная бытовая история.

Братья Борис и Глеб – родня воистину кровная, хоть солнце погасни – будут сердцами едины. Безотцовщина. Посёлок, каких в России тысячи. И как в России, так и в повести, хозяева нашей глубинки – южане. Война на Кавказе. Скинхеды местного разлива. Киллер. Налицо все проблемы рыночной действительности.

За бодрыми страницами романа “Слётки” – ужас. Слётки – молодые птицы, имеющие крылья, но не успевшие научиться летать. Порхнули из гнезда и рухнули наземь. Лёгкая добыча для зубов, для смерти.

За каждой фразой “Слётков” – безмолвный стон безнадёжности. Народ уже осознал полную свою беспомощность, принял поругание имени своего, но живёт. Как живут слётки, пока не пришла кошка.

“Что же, у нас, у русских, – как бы спрашивает нас всех Лиханов, – не осталось даже мужчин, которые по природной сути знали бы свою ответственность перед детством, перед будущим, перед Богом? Не оставь “слётку” без помощи! В детях – будущее твоей земли”.

Увы! Добрым “воспитателем” братьев становится Михаил Гордеевич Хаджанов, майор запаса, пришлый гость, истинный мужчина. Он подобрал

“слётку” Бориса, стал ему за отца, вырастил из него спортсмена-мастера. Стрелка, офицера. Правда, нынешний русский офицер в противовес офицерам Советской Армии не имеет даже замашек дворянина. Нынешние офицеры – слуги рынка. А наука-то офицерская – убивать. Уж такая востребованная по нынешним временам! Послужил родине, стал ей не надобен и – в телохранители, а там уже и снайперская винтовка жд’т.

Борис, сломавшийся в южном плену (адрес не называется, он в уме читателя), оплачивает подаренную ему жизнь киллерством.

Лиханов даёт своему герою шанс вырваться из ада предательства. Борис получает гражданство Франции, служит во французском легионе. С Россией, с русским ужасом распрощался... Возможно.

Его жена приходит в последних строках романа в родной дом Бориса, передаёт Глебке свёрток. В свёртке – живое. Ребёнок.

Кровная связь не пресеклась. С народом, с землёй матери и брата.

“Кабы наши-то хоть голос свой подали, хоть одну богатую машину спалили! – говорит Глебкина бабушка, насмотревшись в телевизоре парижских волнений. И сама себе возражает: – Не-ет! Мужик расейский смиренный. Если чего не по нему, дак напьётся и мирно уснёт. Разве что бабёнок своих поколотит. Вот и вся смута”.

То, что жизнь становится бессмысленной в современной России, что народ в ней – управляемое большинство, понимают даже люди с высшим образованием, с милицейскими погонями на плечах.

Глебка со следователем Андреем Николаевичем советуется: не пойти ли ему, выпускнику школы, брату армейского героя, в юридический институт, чтобы потом следователем работать?

И получает насмешливый, но честный, горький ответ.

“– Когда ничего в голову не идёт, вспоминают про милицию. Вот сижу тут, пишу эти несчастные бумажки, разбираюсь с мальчишками вроде тебя. – И уже с издёвкой над самим собой: – Поступай в Высшую школу милиции. Пока окончишь, они (мальчишки-скинхеды, ещё не бандиты. – **Примеч. авт.**) уже оформятся окончательно. Будешь их ловить. Писать тома показаний. Передавать их в суд. Сажать! Сладость, а не служба. Зато погонны дадут. И пистолет в карман”.

Вот и всё – о будущем будущего России. О “слётках”.

Вот и всё. И это приговор, считанный с жизни.

Лиханов, правда, не сдаётся: “Милые дети, не бойтесь. Ведь каждый из вас взрослеет за чьей-то спиной”. Но где она, спина? Чья? Нет, это не роман. Это крик... А что ещё остаётся? Закричать, завывать во всю нашу боль или смолчать...

Уроки Лиханова – уроки нашей жизни. Вся его жизнь – диалектика сострадания слабым и малым. Он, как герой Сэлинджера “Над пропастью во ржи”, многие годы, почтай, всю жизнь стоит над этой пропастью или, скажем, на дороге у обочины и предупреждает, взывает, кричит, вопит пером своим: храните детей наших! Ярчайшее и прямое подтверждение тому – его публицистика: редкостная для писательства вообще не просто философия бытия, но свидетельство прямых и активных действий одного человека, писателя во благо “малых сих”.

И духовный выбор писателя очевиден – это предупреждение новых людей от опасностей. От соблазнов деньгами. От измены ценностям истинной правды. От слома, который ждёт, если будешь плыть по течению. Писатель внушает сомнение в скороспелых правилах бытия и спасает словом юношество новых времён.

Выбор за читателем. Судьбоносный! Тот самый: быть или не быть?

Но разве возможно: не быть России?..

Жизнь продолжается.

Коли писателю дана жизнь – он творит.

И вот у Лиханова новая книга.

На обложке – мальчик. В его глазах – сама правда. Название книги – “Мальчик, которому не больно”. Подзаголовок: “Не сказка для не взрослых”. Успех издания начинается с обложки. Художник Мария Пинкисевич – истинный соавтор книги. Произведение и впрямь не сказка. Но оно более всего для тех, кто искалечен болезнью с детства. Сюжет для современного мира, как это ни жутко, обычный: церебральный паралич. Врачи бессильны. Ноги мальчико не чувствуют покалывания иглой.

За мальчиком ухаживает отец. Мама – новая женская роль – председатель совета директоров. Она зарабатывает большие деньги, она ездит в

тёплые прекрасные страны. Одна. Без мальчика, без мужа. Она ищет “успешности”, и это значит – хочет начать новую жизнь, совсем новую.

Оставляет сына, мужа, бабушку, уезжает за “речку”. Собирается родить ребёнка для нового счастья.

Богатая жизнь с дорогими врачами – в прошлом. Папа ищет новую работу и гибнет в автокатастрофе. Бабушку забирает “скорая помощь”. Мальчика тоже забирают. Интернат, куда его определили, государственный. Подгузники меняют два раза в сутки.

Соседи по палате мычат, кричат, плачут. У мальчика отобрали его замечательную коляску. Ему остаётся одно: только тьма.

Жить – невозможно, умереть – невозможно, думать не о чем.

У будущего для таких, как он, имя – ничегонепонимание. Тьма.

Но в интернат приходит священник, бывший доктор. От креста мальчик в ногах чувствует странный озноб. Батюшка одно говорит: “Верь и терпи”.

Появляется друг. В палате он ходит на костылях. Учит мальчика не сдаваться: “Жизнь – как тяжёлый камень. Тебя придавило, но ты окрепнешь и отодвинешь камень”.

Лиханов – писатель беспощадный.

Как Пряхин в “Голгофе” прошёл через всё худшее в жизни, так и мальчик, которому не больно, всё потерял и сдался тьме.

Сердце Лиханова не камень.

Боль, нестерпимая боль в ногах становится чудом. Ночью мальчик видит входящего в палату батюшку. Батюшка раскинул руки, и на его груди сияет крест. Мальчик поднимается с кровати. Батюшка отступает, и в дверях – Богородица. Мальчик хватается костыли своего друга, Молодчика. Делает шаг и вдруг кричит: “Мне больно!”

И снова чудо: женщина в дверях. Мальчик видит – это мама.

– Ему больно! – говорит батюшка.

– Слава Богу! Ему больно! – кричит, обнимая сына, мама.

Слёзы закипают на глазах читающего.

Поэма. А в поэме, скорее всего, прозрение.

Будет день, когда закричит, наконец, Россия: “Мне больно!” И все мы воскреснем.

Таков образ писателя Альберта Лиханова.